

1

«**П**ропасть, столь для нас очевидная, между душами Запада и Востока, что, если она мираж? Что, если это всего лишь слова, пустое общее место, не имеющее ничего общего с действительностью? Что, если аксиомой, не нуждающейся в доказательствах, оно стало в силу коварства привычки? Что, если и для англичан и для японцев главным в этой войне было одно и то же желание — желание «не ударить лицом в грязь»? Именно оно, возможно, бессознательно, но жестко и неотвратимо диктовало действия и той, и другой стороне, да и многим другим странам тоже. Несходные, на взгляд, поступки противников имели под собой один и тот же психологический мотив. И очень может быть, японский полковник Сайто по складу характера ничем не отличается от своего пленника, британского полковника Николсона...»

Таковыми размышлениями занимал себя майор медицинской службы Клиптон, такой же военнопленный, как пятьсот других бедолаг, привезенных японцами в лагерь на берег реки Квай, такой же, как шестьдесят тысяч других англичан, австралийцев, голландцев и американцев, которых японцы разместили по другим лагерям в джунглях Бирмы и Таиланда, самых диких среди джунглей нашей планеты, чтобы они проложили железную дорогу, которая свяжет Бенгальский залив с Бангкоком и Сингапуром. На заданные себе вопросы Клиптон отвечал: «да, так оно и есть», но его утверждение выглядело парадоксом, потому что в таком случае нужно было закрыть глаза на множество весьма ощутимых реалий, из которых состояла лагерная жизнь. Чтобы принять его, нужно было отвлечься от зуботычин, ударов прикладом и других еще более грубых и опасных проявлений японской души, с одной стороны, а с другой — от оскорбительного высокомерия полковника Николсона, которым тот вооружился, утверждая превосходство души британской. Клиптон особенно охотно соглашался с собственным умозаключением, когда поведение командира настолько его бесило, что только абстрактные размышления о сути вещей и истине могли хоть как-то его успокоить.

В конце концов, он пришел к твердому убеждению: суть многосоставной личности полковника Николсона с его безупречным чувством долга, почитанием исконных добродетелей, уважением к властям, обожанием дисциплины и стремлением к неукоснительному выполнению своих обязанностей можно выразить одним-единственным словом: снобизм¹. Клиптон, с пристрастием докапываясь до истины, определил полковника как идеальный образчик сноба-военного, который неспешно формировался на протяжении многих лет и теперь, закоснев в привычках, пребывает незыблемым.

Клиптон, сам по натуре человек объективный, обладал редким даром: умением смотреть на любое явление с различных точек зрения. Вывод, к которому он пришел относительно полковника, несколько умерил его возмущение поведением командира. Он настроился на снисходительный лад и постарался умилиться его добродетелям. Ему даже пришла в голову мысль, что если снобизму присущи именно такие вот добродетели, то по логике вещей снобам присущи и весьма достойные трогательные чувства. Свои размышления Клиптон завершил предположением, что,

---

¹ Сноб — человек, считающий ценности своего круга единственно существующими и высокомерно относящийся к тем, кто находится вне этого круга.

возможно, материнская любовь есть самое яркое проявление снобизма в нашем мире.

Страсть к дисциплине полковник Николсон проявлял повсюду, где служил, а служил он в самых разных странах Азии и Африки. Последний раз он проявил ее в Малайзии в 1942 году, когда англичане сдали японцам Сингапур.

После того как от главного командования поступил приказ сдать оружие, группа молодых офицеров его полка предложила план: они пробьются к берегу, захватят первое попавшееся судно и поплывут в Голландскую Ост-Индию. Полковник Николсон похвалил молодых за мужество и отвагу, но воспрепятствовал их плану всеми доступными ему средствами. Сначала он попытался их переубедить. Он объяснил, что их предложение есть прямое неповиновение полученному приказу. Верховный главнокомандующий подписал капитуляцию всей Малайзии, и ни один подданный Ее Величества не имеет права не подчиниться ему, не став бунтовщиком. Он не видит для них иного выхода, кроме как оставаться на месте и ждать офицера японского командования, который примет его личную капитуляцию, капитуляцию всех военных, находящихся под его командованием, а также капитуляцию тех нескольких сотен солдат, которые присоединились к ним, уцелев в последних кровопролитных битвах. «Офицеры! Какой

пример вы подадите солдатам, если измените своему долгу?!» — спросил полковник, вперяя с особой значительностью свой взгляд в молодых людей. Эта значительность появлялась у него в особо ответственные минуты и служила лишним подтверждением его доводов. В обычное время синие глаза полковника походили на Индийский океан во время штиля, свидетельствуя, что его душе неведомы никакие бури. У него были светлые с рыжинкой волосы, усы, как у всех образцово уравновешенных героев, и розовая кожа, говорящая, что его бестревожное сердце равномерно и трудолюбиво снабжает кровью весь организм. Клиптон находился рядом с полковником на протяжении всей кампании и каждый день изумлялся, наблюдая собственными глазами за живым воплощением английского офицера Британской Индийской армии. До этого он считал, что таких людей можно только выдумать, что их существование — это легенда, но полковник Николсон неустанно и весьма весомо утверждал свою реальность, и Клиптон то восхищался своим командиром, то возмущался до бешенства.

Он встал на сторону молодых офицеров, одобрил их план и сказал об этом полковнику. Полковник Николсон сделал ему суровый выговор, сказав, что печально удивлен, видя человека зрелого возраста, склонного к решениям, грозящим самыми скверными последствиями. Упрекнул за

то, что он разделяет химерические надежды безмозглых юнцов и поощряет авантюризм, который никого еще не доводил до добра.

Высказав свое мнение, полковник немедленно отдал приказ: все офицеры, младшие и старшие, унтер-офицеры и солдаты не трогаются с места и ждут прихода японцев. Сдача в плен — не их личное решение, они не должны чувствовать себя униженными. В своем полку он один несет на себе всю тяжесть сдачи в плен.

Большая часть офицеров подчинилась полковнику, он умел убеждать, пользовался авторитетом. Его личная неоспоримая храбрость служила порукой в том, что приказ был продиктован только чувством долга. Несколько офицеров не подчинились и ушли в джунгли. Полковник Николсон всерьез страдал из-за их поступка. Он объявил их дезертирами и с нетерпением стал дожидаться японцев.

Он продумал церемонию сдачи, исполненную достоинства, и решил сделать символический жест: в знак подчинения победителю передать свой личный револьвер японскому офицеру, который будет принимать капитуляцию. Полковник репетировал много раз, как отстегивает кобуру, как передает револьвер, и был уверен, что легко с этим справится.

Сам он оделся в парадный мундир и потребовал, чтобы все солдаты тщательно привели себя в

порядок. Затем собрал их всех, отдал приказ построиться и самолично проверил выправку.

Первыми приехали простые солдаты, не говорившие ни на каких языках, кроме родного, японского. Полковник Николсон смотрел на них, не трогаясь с места. Затем на грузовике приехал унтер-офицер и показал англичанам жестами, что оружие надо сложить в грузовик. Полковник запретил своим солдатам выходить из строя. Он желал иметь дело только со старшим офицером. Но офицеров не было, ни старших, ни младших. Японцы не понимали, чего от них хочет англичанин. Они рассердились. Солдаты смотрели враждебно и угрожающе, унтер-офицер хрипло выкрикивал что-то непонятное и показывал на связки прутьев. Полковник отдал приказ своим солдатам не двигаться. На солдат наставили автоматы, полковника бесцеремонно толкали к грузовику. Он невозмутимо продолжал требовать старшего офицера. Англичане тревожно переглядывались между собой. Клиптону показалось, что приверженность их командира правилам и формальностям может кончиться кровавым расстрелом. К счастью, подъехала машина с японскими офицерами. Один из них, похоже, был майором. За неимением лучшего, полковник Николсон решил сдаться ему. Он скомандовал солдатам «Смирно!», а сам, отдав, как положено, честь,

отстегнул от пояса кобуру и с достоинством протянул ее японцу.

Майор с недоумением посмотрел на подарок и сначала даже сделал шаг назад. Он явно был в затруднении. Потом вдруг расхохотался. Как настоящий варвар. За ним расхохотались все его товарищи. Полковник Николсон пожал плечами и смерил японцев высокомерным взглядом. Но все-таки отдал приказ солдатам сложить оружие в грузовик.

Англичан отправили в лагерь для военнопленных в Сингапур. Там полковник Николсон вменил себе в долг противопоставить англо-саксонскую упорядоченность бестолковой и суетливой возне победителей. Клиптон, находясь по-прежнему рядом со своим командиром, не знал, плакать ему или смеяться.

Полковник подкреплял своим авторитетом распоряжения японцев и добавлял к ним свои, в результате чего солдаты его полка соблюдали дисциплину, но очень плохо питались. Существенным дополнением к тошему лагерному рациону служил «loting», или, другими словами, раздобывание любых продуктов питания, в том числе и консервов, в разбитых бомбами кварталах Сингапура, им промышляли военнопленные других полков, зачастую с согласия охранников. Полковник Николсон не мог допустить подобного безобразия. По его приказу офицеры про-

водили беседы с солдатами, клеймя позором мародерство. Долгом британского солдата была безупречность, он должен был стать образцом поведения для своих временных победителей. Полковник строго следил за выполнением своих приказов и время от времени проводил у солдат обыски, куда более дотошные, чем обыски лагерных охранников. Но полковник нагружал свой полк не только беседами о чести британского солдата на чужой территории. В это время японцы не отягощали своих военнопленных работой, так как не собирались отстраивать Сингапур. Зато полковник Николсон, убежденный, что праздность растлевает солдата, и наблюдая, как у его подчиненных падает боевой и моральный дух, позаботился о том, чтобы у них оставалось как можно меньше свободного времени. Он обязал офицеров читать и объяснять солдатам статьи воинского устава, устраивал потом по ним экзамены и поощрял за успехи вынесением письменной благодарности за своей подписью. Само собой разумеется, что дисциплина всегда оставалась на первом месте. Полковник настоял на том, чтобы в лагере низшие чины по-прежнему отдавали честь высшим, в то время как японцы требовали, чтобы им отдавали честь все военнопленные без различия званий. За нарушение от японцев можно было заслужить удар ногой или прикладом, а от полковника многочасовое стоя-